

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ ИЗ ПРАКТИКИ РОМАНОСТРОИТЕЛЬСТВА

1996 N13

ДИВЕРТИСМЕНТ XI.

В какой-то момент вас посещает желание написать роман. Если вы профессионально занимаетесь расстановкой слов на бумаге, то знаете остроту этого чувства. Для непосвящённых несколько пояснений.

Жизнь, которую вы ведёте вне романа, часто бывает сродни заболоченному берегу реки в том месте её поворота, где вода теряет течение и застаивается годами. У таких заводей любят возводить цементные и кожаные заводы. Стоки предприятий заквашивают гнилостную пульпу. На поверхности кое-где видны бугорки, это трупики вляпавшихся животных. Аллегорически их можно сравнить со своими брошенными замыслами.

Едва лишь произносится фраза "Я хочу написать роман", как вся грязь

вздвигается и фиксируется перед вами: то ли замок, то ли космический корабль, неизвестно из какого материала, не из грязи же, воплощённый шедевр. Затихает реверберация фразы, и сооружение рушится, добавляя в изначальное болото ещё больше ржавчины и коросты.

К началу работы этот мелькнувший шедевр почти забыт или почти не забыт: иначе и работа бы не началась. Это "почти" важнее всех завязок, кульминаций и развязок, или, как их там, ритмов, стилей, саспенсий там всяких, эпифаний, ну и так далее. Вместо всех этих элементов литературной теории, которым мы так старательно учим нерадивых студентов Вашингтонской метрополии, а также юношей Междуречья Тигра и Евфрата, перед вами брезжит некая неясная картина, почему-то имеющая отношение к вашему "почти". Ну вот к примеру какая-то излучина, за нею - аэропорт и, шляпою нахлобученной, архитектурный торт: загадочно.

Вы начинаете шляться вокруг этого места. Иногда расставляете среди свалок треногу с прибором: псевдогеодезист, фальшивый архитектор. Не ждите знаков одобрения. Никто вам не даст аванса под ваш замысел, если вы его правильно сформулируете. Ваши идеи будут признаны не очистительными, а разрушительными. Не посягайте, - скажут вам, - здесь всё-таки Америка (или Россия), здесь люди живут. Здесь пузырьки метана поднимаются, к их запаху все привыкли. Вас уже выгнали однажды вон за ваши труды, и нынешнее терпение не вечно.

А мне нужен этот ландшафт, - отвечаете вы почти грубо. А также гэз-стэйшн неподалёку. Там светятся цвета "Шеврона", а из одинокой машины, хватившей ночью бензина, доносятся скрипки Алессандро Марчелло. И вы начинаете расчищать площадку, на что уходит то ли целый год, то ли неполная ночь. В конце концов: "В сутолоку разногласий звук долетит извне, снизится Победоносец на византийском коне" - ну в этом роде.

Чим-то приказом цементный и кожаный заводы опустошены - и сразу исчезли. Обойдёмся без цемента. Скрепляющим материалом окажутся сами предложения, протянутые между подлежащим и сказуемым, заполненные отборным словесным составом. Невнятица глаголов, наречий, предлогов, прилагательных, притянутая сущими словесами, постепенно становится текстом, и на берегу начинает подниматься каркас. Он то укрепляется сверху донизу, то обрушивается тем или иным крылом. Фронтон то сияет застеклёнными окнами, то зияет мрачнейшими кавернами. Всё-таки он уже живёт, если можно так сказать о "каркасе", учитывая не только русское, но и английское значение слова, а его надо учитывать. Эмигрантское дело, вавилонский словарь, где-то что-то заело, соскочившая тварь, подлежащее рыщет, свищет по этажам, словно изгнанный сыщик, что пятачку зажал, на луну завизжал, коренным скрежетал, и тэдэ.

Однако вы уже не одиноки. Некие тени, быстро обретая плоть, уже шустрят по стройке, прикидываясь завязками прорабами, каменщиками, арматурщиками: ну конечно, это ваши персонажи. Вам кажется, что вы ими командуете, собираете мизансцены, а то и массовки батального характера, во имя высших целей пресекаете самодеятельность, суёте каждому под нос его чертёж, чтобы держался в рамках. Не лезьте с готикой, дубина! Мы здесь возводим ренессанс! Зачем вам лампа Алладина? Не нужно погружаться в транс! Пусть разберётся вся шарага! Не надо прыгать в высоту! Катитесь вдаль к своим шардам! Не нарушайте простоту! Тут вдруг вы видите, что вам не очень-то внимают, потому что заняты уже не совсем вашим делом, погружены в собственные взаимоотношения, ввязываются в удивляющие вас передраги. Закрадывается подозрение, что по ночам, когда вы спите, они не спят. Иначе почему вы утром прежде всего думаете: что там с ними за ночь стало? Не пожрал ли их дракон? Или грязный

крошка Сталин вслед послал своих драгун?

Здание, романтический порт на реке растёт вместе с кучей бумаги на вашем столе. Всё это преувеличено, - думаете вы, - всё чрезмерно, кич, нагромождение идей, то расплывается, то вспучивается на фиг, смешение стилей, немотивированные пересечения, Доктор Живаго какой-то, никогда не закончить, ведь на столе попутно растёт куча студенческих работ по классу романа, пора подумать и о продаже, то есть о читателях, ведь ты же сам талдычишь в классе, что без читателя творческий акт не завершён, - и вдруг ты видишь, что роман закончен. Вступленье, хороший эпитаф, пятнадцать добротных глав, шальные характеры игры, ну и, разумеется, шелест подлунных дубрав!

Вдоль реки протянулась набережная с фонарями, по ней впору прогуляться и Онегину, и Аبلухову, и Стивену Дедалусу.

Саморазоблачившись, то есть потеряв местоимение "вы", ты сам пока что

прогуливаешься. К набережной подступает эллипсоидная площадь с окнами разных кафе, с фонтанами и башней маяка, по духу нечто сродни Пьяца Сан Марко, но в предреволюционном ключе. Эклектика вернулась во всех её апофеозах, вот Александр Блок может здесь на закате собрать толпу: "Ждите кораблей! Ждите кораблей!" Вздвигаются стены основного сооружения, много рефлектирующего стекла, по нему ещё удобнее читать закаты, чем по самим закатам: далеко ли до Апокалипсиса? Отсутствие симметрии. Нагромождение башенок, лоджий, шпили и флюгера. Здесь промелькнут и дожи. Донесётся и флейта игра.

Здешняя публика, привыкшая оставлять в трясине сапоги, возмущается: всё построено не по правилам.

Конструктивистские кубы перемежаются диалогами арте-деко, вдруг матовым плавником мелькнёт козырёк бель-эпохи, а там по уступам вскарабкается, пламенея, пучок готики, и тут же с претензией на натуральность вылеплется колоннада ампира и ротонда-рококо. Ноль художественного доверия! Неисправим, как его ни шерсти! Автора! Автора! В дёготь и перья! Вынести из города на шесте!

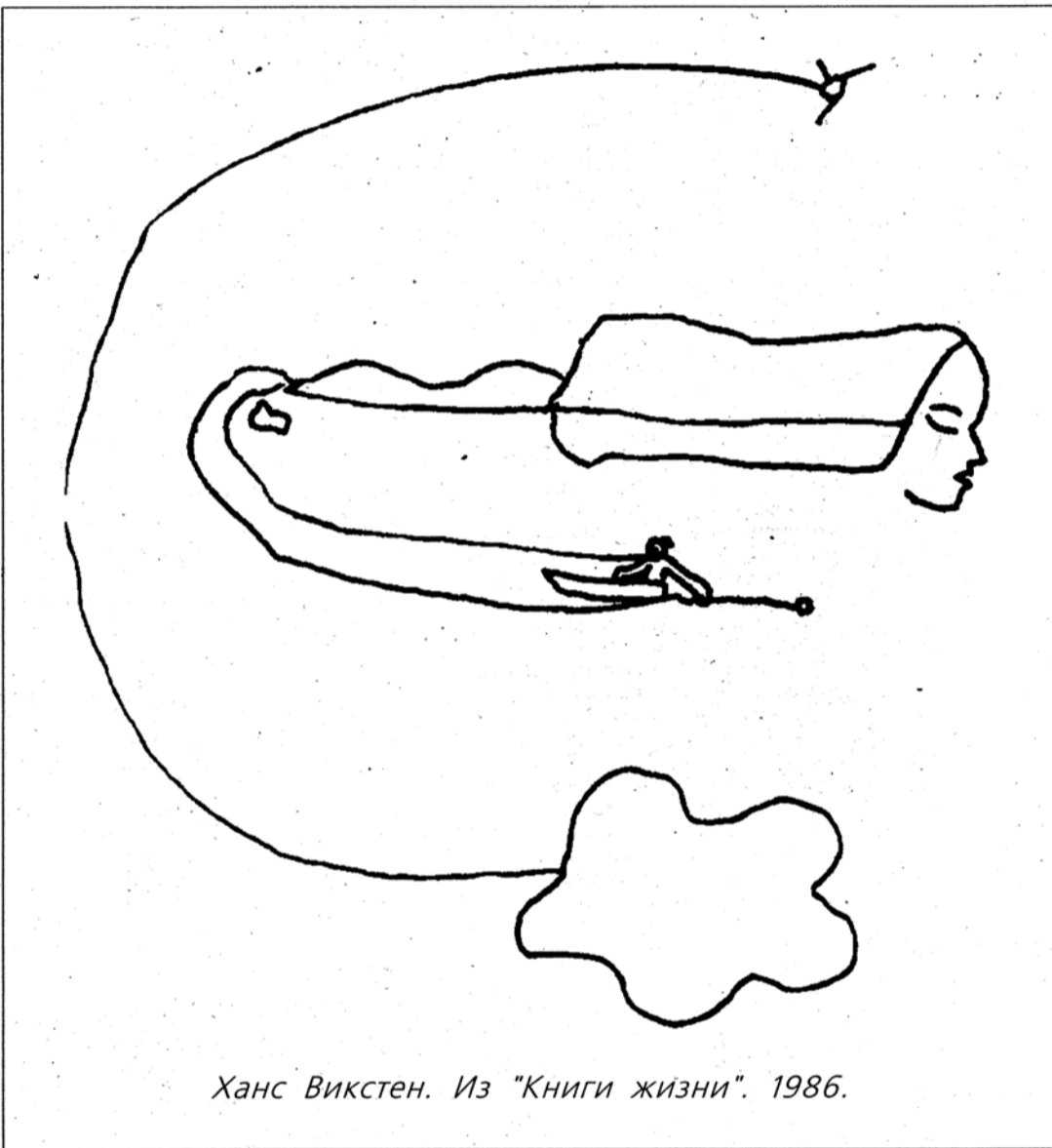
За что? Он ведь хотел, как лучше. Ещё одна уловка с местоимениями: выбрано самое отдалённое. За аморальность! Да где она? А вы не видите? Вся эта самовыраженческая показуха глубоко аморальна, потому что не моральна! Днём с огнём не найдёшь тут и признака нравственности.

Нравственность? В этих двусмысленных "кошачьих мостиках", странно выдвинутых углах, неоправданных внутренних авеню, упавочных площадёнках со столиками? Почему здесь до сих пор не устоялись устои? Почему иногда всё это кажется сделанным из фольги? Почему начинает дрожать, будто в ожидании ветра, какой-то якобы ноты совершенства? Почему люди тут иногда вальсируют не по правилам композиции, а с кем попало? Вот это все вы можете назвать не аморальным?

Если бы только это, - тайком вздыхает он. Он, он, автор, не вы, не ты, и, уж конечно, не я. Персонажи, увы, не только вальсируют. Увы, не все им запишешь в актив. Порой и сплетенки промуссируют или используют презерватив. В ресторацию вносят золотую стерлядь. Певец поёт голосисто. Вместо ужина, однако, начинают стрелять. Подстреливают пианиста. Утром привозят поджаристый хлеб, сыр и вино. На прогулке собаки. Задний двор, однако, подванивает, как хлев. Только что вывезли мусорные баки.

И вдруг я прихожу в восхищение от того, что здесь произошло. Не совершенство, конечно, но шедевр! Эти два понятия не синонимы, господа! Так или иначе, мой романешти почти написан и таковым и останется. Антрну, все романешти всех времён почти написаны, то есть не дописаны до совершенства. В каждом можно прогуляться за милую душу и можно выйти в любой момент: Good riddance!

Однажды, прогуливаясь по своему роману, вы замечаете нечто постороннее: большое количество компьютеров, на которых работают старательные молодые люди с проборами. За их спинами прохаживается мэтр - пиджакец в сельдяную кость, мудрый человеческий лоб, частая смена очков. В ответ на недоумённый вопрос он вежливо, но рассеянно объясняет: "Мы превращаем этот текст в гипертекст, то есть составляем компьютерное меню для расширения и углубления по всем параметрам. Пример? Извольте. Эти русские или, кто тут, голландцы могут при надобности превратиться в бразильцев. Вводится целая программа мультикультурализма. Таким образом процесс сочинения сливается с процессом чтения. Не нужно волноваться. Да, стартовый текст подвергается деконструкции, но не пропадает. Он в памяти компьютера. Автор как таковой нам не важен, но зато мы можем проследить его мотивации. Иногда, конечно, происходят некоторые накладды, вызванные, возможно, шалостями электронного вируса. Вот, например, только что выскочила странная фраза: "Передо мной излучина, за нею - аэропорт и, шляпою нахлобученной, архитектурный торт". Какой-то вздор. Её мы стираем.

Ханс Викстен. Из "Книги жизни". 1986.